

Научная статья

УДК 342

EDN: <https://elibrary.ru/WDNEHI>

ИПОН: 2007-0083-1/26-763

MOSURED: 77/27-005-2026-01-963

Проблемы определения и разграничения понятий «Экстремизм» и «Терроризм» в уголовно-правовой науке

Иван Вячеславович Гусаим^{1,2}

¹ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия,
GusaimIvan1997@yandex.ru

² Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Конец XX в. продемонстрировал, что научно-технический и культурный прогресс не обеспечил ни устойчивости, ни глобальной безопасности. Контроль над стратегическими вооружениями не смог сдержать разработку новых видов оружия и распространение ядерных технологий, равно как и других средств массового поражения. Идеологический крах советской системы не устранил ключевых социально-экономических противоречий, а напротив, способствовал росту деструктивных процессов в обществе — от усиления сепаратизма и национализма до экстремистских проявлений радикального характера.

Феномен экстремизма (лат. «extremus» — предельный, крайний) заслуживает особого внимания в контексте современных угроз. Интегрируясь с проявлениями сепаратизма, национализма и религиозного фундаментализма, экстремистская идеология катализирует радикализацию общественных процессов, создавая прямую угрозу безопасности на индивидуальном, социальном и государственном уровнях.

Эволюционная динамика экстремизма в двадцать первом веке демонстрирует существенное расширение сфер влияния данного явления на различные аспекты функционирования мирового сообщества. Дестабилизирующее воздействие экстремизма подрывает основы социальной стабильности и перспективы устойчивого развития. Приоритетной научной задачей становится комплексное исследование природы экстремизма, формирование системного понятийного аппарата для анализа исторических, социологических, политических, психологических, информационных и силовых компонентов противодействия данной угрозе.

Ключевые слова: уголовно-правовая наука, разграничение понятий, экстремизм, терроризм, национальная безопасность, общественная безопасность, преступная идеология, правовые определения, радикализация, правоприменительная практика, безопасность государства

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Гусаим И. В. Проблемы определения и разграничения понятий «Экстремизм» и «Терроризм» в уголовно-правовой науке // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 45–53. EDN: WDNEHI.

Original article

Problems of defining and distinguishing the concepts of «Extremism» and «Terrorism» in criminal law science

Ivan V. Gusaim^{1,2}

¹ Security Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, GusaimIvan1997@yandex.ru

² Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

© Гусаим И. В., 2026

Abstract. The end of the 20th century demonstrated that scientific, technological and cultural progress did not ensure either sustainability or global security. Strategic arms control has failed to deter the development of new types of weapons and the proliferation of nuclear technologies, as well as other means of mass destruction. The ideological collapse of the Soviet system did not eliminate key socio-economic contradictions, but, on the contrary, contributed to the growth of destructive processes in society — from the strengthening of separatism and nationalism to extremist manifestations of a radical nature.

The phenomenon of extremism (Latin «extremus» — extreme) deserves special attention in the context of modern threats. Integrating with manifestations of separatism, nationalism and religious fundamentalism, extremist ideology catalyzes the radicalization of social processes, creating a direct threat to security at the individual, social and state levels.

The evolutionary dynamics of extremism in the twenty-first century demonstrates a significant expansion of the spheres of influence of this phenomenon on various aspects of the functioning of the world community. The destabilizing impact of extremism undermines the foundations of social stability and the prospects for sustainable development. A priority scientific task is a comprehensive study of the nature of extremism, the formation of a systematic conceptual framework for the analysis of historical, sociological, political, psychological, informational and power components of countering this threat.

Keywords: criminal law science, differentiation of concepts, extremism, terrorism, national security, public safety, criminal ideology, legal definitions, radicalization, law enforcement practice, state security

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of the state task «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)».

For citation: Gusaim I. V. Problems of defining and distinguishing the concepts of «Extremism» and «Terrorism» in criminal law science. Criminological Journal. 2026;(1):45–53. (In Russ.). EDN: WDNEHI.

Введение

Исторические корни экстремизма и наиболее радикального проявления — террористических актов — прослеживаются на протяжении многовековой истории человечества, пронизывая различные области социального бытия. Зарождение экстремистских тенденций исследователи связывают с периодом формирования властных отношений, когда возможность управления людьми начала ассоциироваться с получением материальных благ, превратившись в предмет притязаний определенных индивидов, группировок и организованных движений.

Стремление к достижению власти любой ценой характеризовалось полным игнорированием этических норм, устоявшихся традиций, общественных правил и законных интересов населения. Радикально настроенные субъекты, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», практиковали методы запугивания, прямого насилия и преднамеренных убийств для реализации собственных амбиций.

Историческая трансформация экстремистской деятельности неразрывно связана с общественной эволюцией, научно-техническим прогрессом и сменой идеологических парадигм. Многообразие проявлений экстремизма — от религиозного фанатизма до политического радикализма и националистического шовинизма — приводило к масштабным вооруженным столкновениям, системным репрессиям и разрушительным военным кампаниям. Деструктивное влияние экстремизма на социальные институты разрушает межличностное доверие, препятствуя

поступательному развитию мировой цивилизации.

Современная эпоха характеризуется качественной трансформацией экстремистской деятельности, обретающей принципиально новые формы реализации. Цифровые платформы, включая интернет-пространство и социальные медиа, превратились в эффективный инструмент экстремистских группировок, позволяющий осуществлять масштабную пропагандистскую деятельность, рекрутировать сторонников и синхронизировать противоправные акции на международном уровне. Виртуальная среда становится благоприятной почвой для культивирования межнациональной розни, ксенофобских настроений и подстрекательства к насильственным действиям.

Противодействие экстремистским проявлениям предполагает разработку комплексной юридической стратегии, интегрирующей правоохранительные меры с образовательными программами, превентивными механизмами и идеологической работой. Первостепенное значение приобретает развитие критического мышления населения, культивирование принципов толерантности, формирование уважительного отношения к религиозному и культурному многообразию. Особую актуальность представляет нейтрализация распространения экстремистской идеологии в цифровом пространстве и масс-медиа. Минимизация экстремистских угроз и предотвращение разрушительных последствий террористической деятельности возможны исключительно при консолидации усилий гражданского общества и государственных институтов.

Понятие экстремизма (экстремистской деятельности)

Исторический опыт показывает универсальность экстремистских явлений, проявившихся в разных странах, независимо от эпохи и социально-экономического контекста. Суть экстремизма раскрывается через два противоположных направления: радикальное разрушение существующей государственно-правовой системы или фанатичное сохранение статус-кво вопреки общественному развитию.

В I в. Римская империя столкнулась с экстремистской сектой сикариев в Иудее. Название группы происходило от слова «сика» (кинжал). Сектанты планомерно уничтожали представителей еврейской знати, сотрудничавших с римской властью. Имперский аппарат временно утратил контроль над ситуацией.

Движение ассоафинов в средние века специализировалось на убийствах высокопоставленных чиновников, префектов и халифов. Исмаилитская секта, действовавшая на территории современных Ирана, Афганистана и соседних стран, практиковала сложные методы устранения оппонентов из суннитской верхушки.

Средневековая инквизиция олицетворяет государственный экстремизм, когда европейские правители использовали религиозные гонения для политического контроля. Репрессии против еретиков иллюстрируют слияние политического и религиозного экстремизма под эгидой власти.

В исторической ретроспективе теоретические основы экстремизма впервые обрели системное воплощение в научных работах XIX в., принадлежащих немецкому мыслителю-радикалу Карлу Гейнцгену. Разработанная философом доктрина представляла собой попытку легитимизации насильственных методов в политической сфере. Обосновывая свою позицию декларируемыми интересами всего человечества, Гейнцген рассматривал массовое уничтожение людей как допустимый инструмент борьбы. Согласно выдвинутой концепции, небольшое сообщество единомышленников путем экстремистских действий способно подорвать устойчивость даже мощного государственного аппарата [1, с. 91].

Последующее концептуальное развитие экстремистская идеология получила в трудах Михаила Бакунина, сформулировавшего «теорию разрушения» на базе гейнцгеновской «философии бомбы». Бакунинская доктрина провозглашала полное отрицание сострадания революционеров к пострадавшим от насилия, категорически исключая любые формы компромиссных подходов в революционной деятельности.

Анархистское движение семидесятых годов девятнадцатого века дополнило существующие радикальные концепции доктриной «пропаганды действием». Фундаментальным положением данной теории стано-

вится принципиальный отказ от традиционных форм агитационной работы в пользу непосредственного террористического насилия. Идеологи анархизма полагали, что систематическое применение террористических методов способно спровоцировать массовое давление на правительственные структуры, вынуждая власти идти на уступки экстремистским группировкам [2].

Анархистская философия базировалась на парадоксальном постулате, согласно которому подлинный социальный порядок возможен исключительно через предварительное погружение общества в состояние хаоса. Достижение хаотического состояния, апологеты анархизма считали невозможным при сохранении государственных институтов, потому провозглашали необходимость тотального разрушения государственности.

За последние десятилетия российское общество, претерпевая существенные изменения в политическом и социальном устройстве, регулярно сталкивается с проявлениями экстремизма, выражающимися в немотивированных актах агрессии и жестокости.

Современный политический экстремизм характеризуется агрессивной пропагандой, максималистскими методами достижения политических целей и синтезом уголовных преступлений с радикальными политическими идеями. Руководители различных движений — политических, конфессиональных, националистических — все активнее применяют криминальные террористические методы, а преступные сообщества маскируют незаконные действия политическими декларациями.

Текущая практика выявляет факты использования крупных производственных объединений политическими радикалами и криминальными группами для усиления своего влияния. Подобные действия реализуются через захваты промышленных объектов с последующим выдвижением неправомерных требований государственным органам. Слияние политического радикализма с криминальной средой формирует беспрецедентные риски проникновения преступных поведенческих моделей в систему государственного управления и политическую сферу.

Критическую угрозу представляет историческая преемственность экстремистских практик. Базовым признаком служит безусловное предпочтение силовых способов политической борьбы, направленных на подрыв государственного устройства. Радикальная деятельность создает непосредственную опасность независимости страны и целостности ее территорий, сопровождаясь публичными воззваниями к противоправным акциям под политическими знаменами.

Противодействие экстремизму и терроризму становится ключевой задачей правоохранительных органов и разведывательных служб. Термин «экстремизм», несмотря на существование феномена с античных

времен, обрел официальное определение только в новейшее время. Примечательно, что дефиниция отсутствует в фундаментальных изданиях царской России — словаре Даля и энциклопедии Брокгауза-Ефрона, тогда как понятие «терроризм» упоминается в обоих источниках.

Исследователь С. Н. Фридинский датирует активное внедрение термина «экстремизм» началом двадцатого века. Первоначально понятие применялось для характеристики радикального крыла партии «Индийский национальный конгресс», участники которого отстаивали идею полной независимости Индии.

Отечественная наука демонстрирует многообразие подходов к пониманию экстремизма, однако недостаточность интегрального междисциплинарного анализа ограничивает возможности раскрытия фундаментальных свойств явления. Отсутствие единой методологической базы препятствует совершенствованию социальных механизмов и формированию действенного исследовательского аппарата. Дефицит концептуальных разработок затрудняет создание научно аргументированных предложений по идентификации причин экстремистской активности, снижая эффективность превентивных мер.

Анализ авторитетных лексикографических источников демонстрирует эволюцию научного осмысления понятия «экстремизм». Словарь Ожегова-Шведовой предлагает лаконичную формулировку, определяя экстремизм как склонность к радикальным воззрениям и методам, преимущественно в политической сфере. Аналогичную трактовку предоставляет Советский энциклопедический словарь.

Большая советская энциклопедия расширяет семантическое поле термина, акцентируя внимание на субъектах экстремистской деятельности — радикально ориентированных социальных институтах, малых группах и отдельных индивидах, стремящихся к достижению целей посредством крайних мер.

Политологическая наука фокусируется на дуализме экстремистских проявлений, подчеркивая единство радикальных идейных установок и экстремальных действий. Краткий политический словарь предлагает развернутую дефиницию, характеризующую экстремизм как стратегию достижения политических целей посредством радикальных методов, включающих различные формы насилия и террористической деятельности.

Согласно религиозной концепции Э. Г. Филимонова, экстремизм представляет собой всеобъемлющий феномен, возникающий в различных областях социума при конфликте мировоззрений. Спектр экстремистской активности распространяется на политическую, расовую, национальную, конфессиональную, сепаратистскую и криминальную области.

В трактовке В. Ю. Верещагина и М. И. Лабунца ключевым признаком экстремизма выступает идеоло-

гический компонент, выражающийся в принудительном навязывании радикальных установок и силовом подавлении инакомыслия.

Концептуальный анализ Н. Н. Афанасьева раскрывает экстремизм как радикальную интерпретацию действительности, отвергающую компромиссные решения. Исследователь подчеркивает искаженное восприятие реальности экстремистскими группами при реализации краткосрочных и стратегических целей. Лингвистическое выражение экстремизма проявляется в категоричности формулировок и безапелляционности суждений. Практическая реализация экстремистской идеологии неизбежно сопряжена с применением насильственных методов.

Анализ существующих дефиниций демонстрирует преобладающее понимание экстремизма как идеологической системы, базирующейся на принудительном распространении радикальных принципов, категорическом неприятии альтернативных позиций и легитимации насильственного подавления оппонентов.

Концептуальное основание экстремизма строится на догматах полного отрицания плюрализма мнений и самопровозглашенной монополии на абсолютную правду вопреки законодательным нормам. Мировоззренческая система радикализма предполагает обязательное конструирование антагонистического образа, воплощенного в оппонентах. Идеологическая база неминусом обуславливает противоправный характер экстремистских проявлений.

Существенный недостаток рассмотренных научных подходов состоит в ограниченности анализа политическим аспектом без учета юридической специфики феномена. Учитывая имманентную конфронтационную природу экстремистской активности, теоретическая дефиниция явления требует обязательного отражения противозаконной составляющей.

С. Н. Фридинский разработал всеобъемлющую дефиницию экстремизма, учитывающую разнообразные проявления противоправной активности множества участников — от общественных движений и политических структур до религиозных организаций, средств массовой информации и отдельных граждан. Научный труд автора содержит развернутую классификацию способов поддержки экстремистской деятельности, охватывающую финансовые вложения, обеспечение материальными ресурсами, медийное сопровождение и организационную помощь.

По мнению Фридинского, экстремистская деятельность проявляется в принуждении к единой государственной идеологии, провоцировании социальных конфликтов, дискриминационных практиках по имущественным, расовым, национальным и религиозным основаниям, попрании базовых прав человека, попытках силового изменения конституционного устройства и нарушении целостности РФ.

Комплексное определение экстремизма охватывает практическую деятельность, публичную идеологию и декларируемые угрозы, нарушающие законные права граждан, устоявшиеся межнациональные и межконфессиональные нормы, легитимное функционирование власти.

В. Ю. Верецагин указывает на важность мировоззренческого фактора при юридической квалификации экстремистских деяний, связывая правовую базу с правосознанием сотрудников правоохранительных структур в контексте традиционной и новой правоприменительной практики.

Анализ правовых определений экстремизма обнаруживает недостаточное внимание к идеологической компоненте, что методологически неверно, поскольку противозаконная экстремистская активность закономерно вытекает из радикальной идеологической платформы.

«Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России» предлагает синтетическое определение, объединяющее теоретические установки и практические проявления. В документе феномен экстремизма анализируется через призму идеологических доктрин, стремящихся ликвидировать легитимный плюрализм мнений, утвердить монополию единственной идеологии, внедрить дискриминационные практики по множеству признаков и отвергнуть фундаментальную значимость прав человека.

Комплексная интерпретация определяет экстремизм как фундаментальную приверженность радикальным идеологическим постулатам, характерную для политических объединений, религиозных сообществ и индивидуумов. Подобные идеологические установки, нарушая законодательно закрепленные права граждан и принятые общественные стандарты, стимулируют противозаконные действия, наносящие ущерб интересам отдельных людей, социальных групп и государственных институтов.

Распространенное отождествление экстремизма с радикализмом требует концептуального уточнения. Политологическое понятие «радикализм», согласно определению Ожегова-Шведовой, имеет двойственную природу: демократическое политическое течение, ориентированное на реформирование существующего строя, и решительный способ действий.

Принципиальное различие заключается в том, что радикализм допускает ненасильственные методы достижения целей, в то время как экстремизм неизменно характеризуется использованием насильственных, бесчеловечных и незаконных средств. Экстремизм можно с полным основанием рассматривать как крайнюю форму радикализма, направленную на реализацию радикальных идей с помощью силы.

Научная трактовка экстремизма базируется на

концепции предельности, выражающейся в радикальных воззрениях, поступках и способах воздействия. Лингвистический разбор понятия «крайний» в слове В. И. Даля указывает на максимальную интенсивность проявления признаков изучаемого феномена. Применительно к рассматриваемой проблеме классификация деяний как экстремальных определяется преодолением нормативных границ социального поведения и нарушением законодательных запретов. Представленное толкование обосновывает значимость юридического анализа экстремистских проявлений.

Исследование правовой истории России выявляет неоднородность законодательного определения экстремизма. В нормативных документах советской эпохи, включая Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. и 1967 г., понятие экстремизма отсутствовало, как и специальные законы по борьбе с экстремистской деятельностью.

Советский период отличался минимальной потребностью в противодействии экстремизму. Господствующая идеология рассматривала любое социальное, политическое или экономическое недовольство через призму враждебных западных влияний. Несогласные с действующим порядком автоматически зачислялись в противники социализма. Правоохранительные органы квалифицировали выражение альтернативных взглядов по статьям УК РСФСР об антисоветской деятельности и распространении порочащих советский строй материалов.

Строгий идеологический контроль государства, ограничивая гражданские свободы и право на собственные убеждения, парадоксальным образом служил действенным инструментом предупреждения экстремизма. Превентивная система пресекала возможность масштабных экстремистских выступлений посредством оперативного идеологического и правового реагирования на зарождающиеся конфликты.

Механизм государственного реагирования на политическую агрессию объединял административные меры пресечения с профилактическими мероприятиями. Инструментарий противодействия включал предупреждения от силовых ведомств, публичные разборки антиобщественных поступков оппозиционеров на производстве, распространение обличительных публикаций в газетах и стенной печати.

Реформирование российского общества кардинально изменило установившийся порядок функционирования политической, хозяйственной, юридической, профессиональной и социальной сфер. Дезинтеграция устоявшихся регуляторов взаимоотношений между властью, социумом и гражданами привела к обесцениванию базовых общественных идеалов — любви к родине, чувства ответственности, этических норм. Упразднение превентивных механизмов борьбы с преступностью усилило деструктивные процессы.

Поспешная реорганизация силового блока, в первую очередь служб государственной безопасности, сформировала питательную почву для усиления экстремистской активности.

Усиление политизированного насилия обуславливалось комплексом системных факторов. Непосредственные реформы в сферах экономики и государственного управления спровоцировали критическую дифференциацию населения, подорвав общественное равновесие. Конфликтное взаимодействие партийных структур, гражданских объединений и финансово-промышленных групп породило практику применения экстремальных способов достижения групповых целей.

Проникновение криминальных элементов во властные структуры сопровождалось внедрением противоправных экстремистских практик. Приоритет целесообразности над правом в деятельности органов власти способствовал распространению правового нигилизма среди населения.

Информационное пространство наполнилось материалами, пропагандирующими насилие и экстремистские способы разрешения конфликтов. Показательно предоставление федерального телеэфира лицам, совершившим попытки покушения на высших руководителей государства — младшему лейтенанту Ильину, организовавшему 22 января 1969 г. обстрел правительственного кортежа у Боровицких ворот Кремля с целью убийства Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, Шмонову, покушавшемуся на М. Горбачева.

Возрастающие масштабы экстремистских угроз парадоксальным образом не стимулировали разработку федерального законодательства, призванного обеспечить правовую базу для определения сущности экстремизма и организации противодействия данному явлению. Отсутствие необходимой нормативной регламентации существенно осложняло юридическую квалификацию экстремистских деяний, снижая результативность государственных мер защиты законных интересов граждан, социума и государственных институтов.

Принятие Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в июне 2002 г. ознаменовало качественно новый этап развития антиэкстремистского законодательства. Впервые на государственном уровне было сформулировано полноценное определение экстремизма, создавшее базис для дальнейшего совершенствования правового регулирования [3, с. 720].

Закон установил тождественность понятий экстремизма и экстремистской деятельности, обозначив обширный круг противозаконных действий. К экстремизму отнесены силовые попытки изменения конституционного устройства РФ, оправдание терроризма, провоцирование межгрупповых конфликтов, пропа-

ганда превосходства по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым критериям.

Правовая дефиниция включает дискриминационные нарушения гражданских прав, насильственное препятствование избирательному процессу, помехи работе государственных структур и общественных организаций. Уголовно наказуемыми признаны преступления на почве ненависти, демонстрация нацистских символов, распространение экстремистских материалов.

Законодательство причисляет к экстремизму намеренно ложное обвинение госслужащих в экстремистских преступлениях, организацию противоправных акций, подстрекательство и финансовую поддержку. Особо выделяется пособничество экстремизму через предоставление технических ресурсов, коммуникационных каналов и информационное обеспечение.

Представленная законодательная дефиниция создала комплексную правовую основу для противодействия различным формам экстремистской активности, затрагивающим фундаментальные основы конституционного строя, права граждан и общественную безопасность.

Нормативное определение экстремизма раскрывает сущностные характеристики деструктивного социального явления. Принципиальным элементом считается распространение мировоззренческой системы, несовместимой с действующими принципами государственного строя и общественного порядка. Радикальная идеология основывается на полном отрицании альтернативных позиций в политике, хозяйственной жизни, межнациональных и религиозных отношениях.

Специфика экстремистской деятельности проявляется через противоправные способы реализации намеченных целей. Пропаганда радикализма неизменно включает идеологическое оправдание насильственного подавления оппозиционных взглядов, сопровождаясь аффективными проявлениями и демонстративным пренебрежением социальными нормами.

Природа экстремизма коренится в системе противоречий между личностью, обществом и государством. Результативная профилактика экстремистских тенденций предполагает глубинное осмысление феномена для раннего обнаружения и устранения причин, способствующих мирному урегулированию назревающих конфликтов.

Понятие терроризма

Борьба с экстремизмом и его крайней формой — терроризмом становится ключевой задачей в российском и международном контексте. Террористическая активность превратилась в глобальный вызов, несущий беспрецедентные риски для мирового сообщества [4, с. 23].

Террористическая угроза национальной безопасности РФ демонстрирует негативную динамику. Территориальный охват террористических актов вышел за рамки Кавказа, распространившись на центральные регионы. Террористы используют взрывы, поджоги, самодельные бомбы, захваты заложников, уничтожение транспортных объектов.

Разрушительное воздействие терроризма охватывает фундаментальные области социальной жизни. Силовые атаки на граждан и инфраструктуру причиняют значительный вред общественной безопасности и экономике страны. Террористические действия расшатывают политическую систему, разрушают доверие к государству, ослабляют властные позиции, нарушают управленческие процессы.

Уголовное законодательство определяет террористическую деятельность как совокупность насильственных деяний посредством организации взрывов, поджогов и сопутствующих преступных действий, представляющих опасность для жизнедеятельности граждан, сохранности имущества и стабильности общества. Ключевыми элементами криминального состава выступают намерения дестабилизировать социальный порядок, спровоцировать панические настроения среди населения и принудить властные структуры к определенным решениям. Законом устанавливается наказуемость угроз совершения террористических преступлений.

Принятый 29 июня 2002 г. Федеральный закон [5–9] классифицирует как экстремистскую деятельность открытую поддержку терроризма, террористические действия и насильственные попытки трансформации конституционных основ РФ. Законодательное объединение понятий терроризма и экстремизма в общую правовую категорию отражает их фундаментальное сущностное единство.

Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. [10] формулирует базовые дефиниции в сфере противодействия терроризму. Феномен терроризма раскрывается как единство агрессивной идеологической платформы и насильственных методов воздействия на органы власти разных уровней путем создания атмосферы страха в обществе.

В спектр террористической активности входят планирование, материальное обеспечение и реализация атак. Уголовно наказуемыми признаются агитация, создание вооруженных формирований и преступных объединений террористической направленности.

Законодательство криминализует широкий круг действий: привлечение новых членов, обеспечение оружием, обучение террористов и медийную поддержку. Акцентируется противозаконность распространения террористической идеологии и материалов, стимулирующих экстремистскую деятельность.

Террористический акт законодательно определя-

ется как организация взрывов, поджогов и сходных действий, направленных на запугивание граждан. Основными характеристиками выступают риск гибели людей и масштабных разрушений.

Целевая направленность терактов включает нарушение функционирования государственных структур и международных институтов, принуждение к принятию конкретных властных решений. Угрозы осуществления аналогичных действий юридически приравнены к самому теракту.

Законодательное определение формирует юридическую базу для привлечения к ответственности участников террористической деятельности, устанавливая однозначные параметры идентификации противоправных действий террористического характера [11, с. 106].

Уголовный кодекс РФ подробно регламентирует квалификацию террористических преступлений. Примечание к ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» содержит полный список противоправных действий, квалифицируемых в рамках террористической деятельности.

Законодательство предусматривает уголовное преследование за организацию терактов, поддержку террористов, распространение и обоснование террористической идеологии. Наказание применяется за обучение в террористических лагерях, организацию экстремистских групп и членство в них.

К террористическим деяниям относятся захваты заложников, организация незаконных военных формирований, угоны транспортных средств. Отдельную категорию составляют преступления, связанные с незаконными операциями с ядерными и радиоактивными веществами.

Террористическими признаются атаки на представителей власти, попытки государственного переворота, организация вооруженных восстаний, нападения на лиц, находящихся под международной защитой. Данная систематизация создает комплексный инструментарий уголовно-правовой борьбы с терроризмом [12, с. 511].

В правовой интерпретации терроризма наблюдаются различия между положениями Федерального закона «О противодействии терроризму» и Уголовным кодексом РФ. Ст. 24 Федерального закона, регламентирующая ответственность организаций, и примечание к ст. 205.1 УК РФ содержат несовпадающие перечни преступлений террористического характера.

Выявленные противоречия в квалификации террористических деяний между профильным законом и уголовным кодексом порождают правовую неопределенность. Отсутствие унифицированного подхода к составам террористических преступлений осложняет правоприменение и снижает результативность анти-террористических мер.

Выявленная коллизия правовых норм указывает на необходимость гармонизации федерального законодательства в сфере противодействия терроризму путем унификации перечня террористических преступлений [13].

Заключение

Первоначальная законодательная концепция рассматривала терроризм и террористическую деятельность как составные элементы экстремизма. Последующий отказ от развития данного подхода привел к правовой неопределенности в соотношении указанных понятий.

Отсутствие единообразия в национальном законодательстве осложняет аналитическую оценку и статистический учет противоправных деяний. Несогласованность нормативной базы способствует росту латентности преступлений террористического характера.

Документы Организации Объединенных Наций определяют терроризм через триаду компонентов: акты, методы и практику [14]. Современный терроризм выходит за рамки единичных актов, трансформируясь в систему методов достижения преступных целей. Российская действительность демонстрирует интеграцию террористических методов в различные формы организованной преступности [15, с. 8].

Практика терроризма эволюционировала от отдельных актов к масштабной террористической деятельности, включающей комплекс преступлений террористической направленности. Данная трансформация требует адекватного отражения в правовом регулировании анти-террористической деятельности [16, с. 66–67].

Экстремизм и терроризм представляют собой взаимосвязанные политические феномены повышенной общественной опасности. Обладая общими сущностными характеристиками и специфическими особенностями, данные явления формируют прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Масштаб и характер деструктивного воздействия экстремистской и террористической деятельности на государственные и общественные институты требуют формирования комплексной системы противодействия. Эффективное предупреждение и пресечение проявлений экстремизма и терроризма возможно исключительно при консолидации усилий государственных структур и гражданского общества.

Успешное противостояние указанным угрозам предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, устранение существующих коллизий законодательства, унификацию понятийного аппарата и создание действенных механизмов профилактики экстремистских и террористических проявлений.

Список источников

1. Иванцов С. В., Борисов С. В. Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2.

2. Воронцов С. А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. 2007. № 4. С. 65–71.
3. Комиссаров В. С. Российское уголовное право. Особенная часть. СПб. : Питер, 2012.
4. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества по новому УК РФ. М. : Кросна-Лекс, 1997.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
7. Федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 71-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
8. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
9. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
10. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Меркурьев В. В., Богачевская Е. А. Пенитенциарные горизонты борьбы с международными террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3 (24).
12. Чаннов С. Е. Вновь к вопросу о служебном праве // Государство и право. 2015. № 3.
13. Гирько С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 33–40.

14. Резолюция Совета Безопасности ООН 1566 от 8 октября 2004 г. // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/542/84/pdf/n0454284.pdf>
15. Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / под ред. А. И. Долговой, В. В. Милинчук. М., 2007.
16. Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

References

1. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Organized forms of terrorist and extremist activity: regulation and implementation of responsibility // Society and Law. 2016. No. 2.
2. Vorontsov S. A. The concept of extremism and its essential features // Philosophy of Law. 2007. No. 4. P. 65–71.
3. Komissarov V. S. Russian criminal law. The special part. St. Petersburg : Peter, 2012.
4. Komissarov V. S. Terrorism, banditry, hostage-taking and other serious crimes against society under the new Criminal Code of the Russian Federation. M. : Krosna-Lex, 1997.
5. Federal Law No. 148-FZ of July 27, 2006 «On Amendments to Articles 1 and 15 of the Federal Law «On Countering Extremist Activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
6. Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Law «On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism» and the Federal Law «On Combating Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
7. Federal Law No. 71-FZ of May 10, 2007 «On Amendments to Article 13 of the Federal Law «On Countering Extremist Activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
8. Federal Law No. 211-FZ of July 24, 2007 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of Public Administration in the field of countering extremism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
9. Federal Law No. 54-FZ of April 29, 2008 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the Improvement of Public Administration in the field of State Registration» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
10. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // LRS «ConsultantPlus».
11. Merkuriev V. V., Bogachevskaya E. A. Penitentiary horizons of the fight against international terrorist and extremist organizations // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2012. No. 3 (24).
12. Channov S. E. Revisiting the issue of official law // State and Law. 2015. No. 3.
13. Girko S. I. Real steps towards the institutionalization of public security in the Russian Federation // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (69). P. 33–40.
14. UN Security Council Resolution 1566 of October 8, 2004 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/542/84/pdf/n0454284.pdf>
15. The commented collection of international and Russian legal acts on combating terrorism / edited by A. I. Dolgova, V. V. Milinchuk. M., 2007.
16. Shuisky A. S. Countering terrorist acts through criminal law norms with double prevention: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2012.

Информация об авторе

И. В. Гусаим — научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, аспирант кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

I. V. Gusaim — Researcher of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate student of the Department of Legal Support of National Security, Law and Order of the M.M. Speransky Law Faculty of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.